№ 17. 21-ое АПРѢЛЯ 1878 ГОДА. ГОДЪ

Подписка на журналъ продолжается.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Москвѣ безъ доставки на годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к. Съ доставкой или пересылкой на годъ 5 р., на полгода 3 р. Цѣна отдѣльному № 15 коп., съ перес. 20 коп.

РЕДАКЦІЯ: Москва, Покровка, Машковъ пер , д. Миллера. Каждая перемѣна адреса 20 коп., при этомъ отъ иногороднаго нужно представить прежній печатный адресъ.

Объявленія принимаются съ платою по 15 коп. за строку, или за квадратный дюймъ.

Правый. Пожалуйте къ намъ! баринъ дѣло ваше обдѣлаетъ лучшимъ манеромъ.

Лѣвый. Нѣтъ, къ намъ пожалуйте! нашъ, извѣстно, искуснѣе.

Жертва. Да что вы ко мнѣ пристали? у меня, Богъ хранилъ, никакого дѣла нѣтъ, я просто къ куму въ гости иду.

Людская неблагодарность

Сознаюсь, имѣлъ я глупую привычку
Ближняго несчастье къ сердцу принимать,—
И когда тотъ ближній съ просьбой обращался,
То не могъ участья чтобъ не оказать.

Такъ вотъ и рвалося слово утѣшенья,
Дескать, не печалься и не унывай,
Свѣтъ вѣдь не безъ добрыхъ,—попроси—помогутъ,
Больше же на Бога въ горѣ уповай.

Какъ-то разъ случилось быть мнѣ на пожарѣ,
Страшная картина: стонъ и плачъ кругомъ!
Вижу, погорѣлецъ—мѣчется бѣдняга,
Такъ и рвется въ пламя, въ свой горѣвшій домъ.

И меня увидѣвъ, обратился съ просьбой,
Чтобъ въ его несчастьи я ему помогъ:
Пособилъ-бы вынесть изъ огня пожитки.
Я ему въ участьи отказать не могъ:

Сталъ о добрыхъ людяхъ говорить, о Богѣ
И о томъ, чтобъ скорбью сердца не терзалъ.
Онъ же, вспомнить больно, вотъ неблагодарный!
Рѣчи не дослушалъ, срамно обругалъ.

Бѣдняка сосѣда горе посѣтило:
Крѣпко заболѣла дочка у него,
Доктора-бы нужно, денегъ нѣтъ ни гроша,
И пришелъ онъ съ просьбой выручить его.

Говоритъ: «Будь другомъ, помоги въ несчастьи».
И не могъ ему я въ просьбѣ отказать:
Сталъ о добрыхъ людяхъ говорить, о Богѣ,
Сталъ его въ надеждѣ, въ вѣрѣ укрѣплять.

Послѣ самъ тужилъ я, что уча[illegible] принялъ.
Долго не забуду про сосѣда я!
Слушалъ онъ сначала, а въ концѣ какъ крикнетъ:
«Будь ты проклятъ, Каинъ!... Богъ тебѣ судья!»

Разъ еще попался мнѣ бѣднякъ голодный,
Проситъ, ради Бога, дать на хлѣбъ хоть грошъ;
Божится, клянется, что два дня не ѣлъ онъ.
Вижу по всему я, говоритъ не ложь.

И хоть былъ я занятъ, къ дѣлу торопился,
А не могъ участье чтобъ не проявить:
Съ полчаса ему я говорилъ о Богѣ
И о добрыхъ людяхъ, и училъ какъ жить.

Но неблагодарность сильно вкоренилась
Въ нынѣшнемъ народѣ, я ужь къ ней привыкъ.
Слушалъ со вниманьемъ онъ меня сначала,
Да какъ пуститъ бранью... ну, ужь и языкъ!

Съ той поры я много пылъ свой поумѣрилъ,
Чуть ко мнѣ кто съ просьбой, я молчу, молчу,
Все крѣплюсь, а слово, такъ и рвется снова,
Высказать участье такъ вотъ и хочу.

Долго такъ крѣпился, но въ концѣ прорвался,
Быть грѣху ужь значитъ! Случай былъ такой:
У меня былъ бѣдный родственникъ какой-то
Съ кучей ребятишекъ при женѣ больной.

И умри жена-то, схоронить-же нечѣмъ
И пришелъ бѣдняга съ просьбою ко мнѣ.
Я и размягчился, думаю въ послѣдній
Выскажу участье къ своему роднѣ.

Говорю о Богѣ и о добрыхъ людяхъ.
Слушаетъ онъ молча, а глаза горятъ;
То слезой затмятся, рукавомъ утрется,
То какимъ-то страннымъ свѣтомъ заблестятъ.

Слушалъ такъ онъ долго, слушалъ со вниманьемъ,
А въ глазахъ замѣтно, какъ дрожитъ слеза,
Самъ-же вѣдь трясется и ко мнѣ все ближе,
Да какъ вдругъ мнѣ плюнетъ въ самые глаза!...

Что потомъ ужь было, смутно вспоминаю...
Отдалъ было Богу душеньку свою...
Вотъ вамъ и награда за мое участье
Къ ближнему въ несчастьи, за любовь мою!

И. Д. Родіоновъ.

Мстители

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ СЕРБСКАГО БЫТА.

I

Стояла темная сентябрьская ночь; свинцомъ нависли сѣрыя тучи, по временамъ разсѣкаемыя зигзагами яркой молніи, освѣщающей фосфорическимъ блескомъ окрестность деревни Пустовецъ, лежащей верстъ за 200 отъ Мостара. Дождикъ ливмя льетъ, стуча по соломеннымъ крышамъ, какъ бы вторя бурному вѣтру.

Уже давно темно на деревнѣ, въ оконныхъ рамахъ давно потушены огоньки, лишь въ одной хатѣ, какъ звѣздочка, мерцаетъ слабый свѣтъ ночника. Тамъ, сидя за столомъ, отецъ съ сыномъ вели разговоръ.

— Вотъ что, сынъ,—говорилъ старый Никола, хозяинъ этой хаты,—видно дождя тебѣ не переждать, лучше ступай спать, хоть ты и хорошо дороги знаешь,

но въ такую погоду ѣхать не слѣдъ; а завтра чѣмъ свѣтъ вставай и вези продавать эту пшеницу; денегъ у меня болѣе нѣтъ, а ты самъ знаешь, что въ теперешнее время безъ денегъ бѣда; турецкіе беги какъ голодные волки рыщутъ по деревнямъ.

— Будь покоенъ, отецъ, — отвѣчалъ молодой сынъ его Симко, — едва станетъ свѣтать, я ужь буду въ дорогѣ.

— Ну, ступай съ Богомъ, промолвилъ отецъ, погасивъ ночникъ.

И въ этомъ домѣ воцарилась тишина, прерываемая лишь раскатами грома да воемъ вѣтра въ печной трубѣ.

Еще темно было, все спало крѣпкимъ сномъ, какъ, проснувшись, заботливый Симко запрягъ пару воловъ и, перекрестясь, выѣхалъ на дорогу.

Не прошло и получаса съ выѣзда Симки, какъ къ воротамъ ихъ дома примчались два турецкихъ всадника, которые, соскочивъ съ лошадей, вошли въ отворенныя ворота и немилосердно начали стучать въ дверь.

Вскорѣ въ окнѣ заблисталъ огонекъ, дверь отворилась.

— Что вамъ надо, добрые люди? впуская турокъ, подозрительно и боязливо спросилъ старый Никола.

— Что намъ нужно? Во-первыхъ хорошаго завтрака, во-вторыхъ твоего кошелька.

— Помилуйте, добрые люди, первое готово къ вашимъ услугамъ, а втораго исполнить я не могу, потому что мой кошелекъ такъ же пустъ, какъ пустая бутылка.

— Ну ты, собачій сынъ, еще говорить началъ! Готовь скорѣй завтракъ, да давай денегъ, — садясь къ столу, проговорили турки.

Разбудивъ жену, Никола быстро приготовилъ завтракъ, а также принесъ изъ погреба лучшаго вина.

— Эй! грозно крикнулъ уже порядкомъ напившійся турокъ, — слышишь, давай скорѣй денегъ, намъ толковать съ тобой некогда...

— Деньги нужны не намъ, а нашему господину пашѣ, перебилъ другой.

— Извините, добрые люди, я радъ бы дать, тѣмъ болѣе нашему многоуважаемому пашѣ; но я ни копейки не имѣю, даже сына нынче послалъ продавать пшеницу.

— Врешь, собака, не отдѣлаешься своими росказнями, ты насъ не проведешь, давай денегъ, или плохо будетъ! сурово крикнулъ опьянѣвшій турокъ.

— Я бы радъ дать, но гдѣ-жь я возьму?

— Песъ! заревѣлъ турокъ, бросаясь на Николу.

Никола ловко увернулся; видя, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, онъ схватилъ стоявшій въ углу топоръ, собравшись не даромъ отдать свою жизнь.

Увидя оборонительное движеніе Николы, турки выхватили шашки. Произошла ужасная свалка, но силы бѣднаго старика измѣнили, онъ упалъ съ перерѣзаннымъ горломъ; та-же участь постигла и жену его, а турки, какъ дикіе коршуны, обыскавъ всѣ углы и захвативъ съ собой все, что было можно, вскочили на лошадей и исчезли въ туманной дали.

Сосѣдъ Николы, разбуженный шумомъ, выбѣжалъ наружу: его глазамъ представились убѣгающіе турки и пылающій домъ Николы; вскорѣ вся деревня поднялась на ноги, разбуженная его отчаянными криками.

— Пожаръ! пожаръ! Турецкіе разбойники!

Нѣсколько молодцовъ, схвативъ что попало, бросились по слѣдамъ убѣгавшихъ, а остальные кинулись тушить пожаръ; пламя, раздуваемое сильнымъ вѣтромъ, быстро распространилось; хижина Николы вся пылала въ огнѣ, разсыпая тысячи искръ на окружающія избы. Дружными усиліями поселянъ наконецъ пламя было остановлено; добычею огня сдѣлалось почти половина селенія; горько оплакивали поселяне потерю своего имущества, проклиная турецкихъ разбойниковъ...

Между тѣмъ, выгодно продавъ пшеницу, весело насвистывая пѣсни, возвращался Симко домой; вотъ ужь и до деревни недалеко. Симко вздрогнулъ, остановивъ воловъ, пораженный ужаснымъ зрѣлищемъ дымящейся деревни; но вскорѣ изумленіе перешло въ страхъ, Симко ударилъ воловъ и погналъ что было силы къ деревнѣ. Напрасно онъ искалъ глазами отцовскій домъ, — груды обгорѣлыхъ бревенъ и еще дымящихся головешекъ, были на его мѣстѣ. Поселяне со всѣхъ сторонъ окружили пріѣхавшаго.

— Ну, братъ Симко, жаль намъ тебя, бѣднаго! встрѣтили они его: — твои родители сгорѣли, сдѣлавшись сперва жертвой турецкихъ разбойниковъ.

— Мои родители сгорѣли? испуганно воскликнулъ Симко, выскакивая изъ телѣги.

— Да, братъ, сгорѣли, миръ ихъ праху!

— О, Боже! пусть будетъ проклятъ тотъ часъ, когда я съ ними разстался! Будь я дома, они не сдѣлались бы жертвой турецкихъ разбойниковъ.

Затѣмъ Симко бросился по тлѣвшимся бревнамъ и съ помощью поселянъ скоро были найдены два обгорѣлые трупа. Симко вскрикнулъ и въ порывѣ сердечной горести, бросясь на колѣни, произнесъ взволнованнымъ голосомъ:

— Пусть огонь небесный превратитъ въ пепелъ мои кости, если поганые убійцы не будутъ жестоко наказаны! Клянусь священнымъ для меня прахомъ моихъ родителей!

Трупы были подобраны, Симко горько рыдалъ.

— Добрые братья! сказалъ онъ сквозь слезы, — возьмите мою повозку, упряжь и воловъ для погребенія [redacted] родителей, а меня призываетъ отсюда священная о[redacted]нность отмщенія.

И онъ какъ бѣшеный бросился бѣжать по направленію къ лѣсу.

— Куда ты, Симко? кричали вслѣдъ удивленные поселяне.

— Ужь не съ ума ли онъ сошелъ? толковали они межъ собой; но, увидя, что онъ бѣжитъ по направленіи къ лѣсу, совершенно убѣдились въ своемъ предположеніи; нѣсколько человѣкъ, желая его образумить, бросились его догонять; но уже было поздно: Симко срылся въ лѣсу, который раскинулся на далекое пространство. Воротились ни съ чѣмъ поселяне.

— Что съ нимъ сдѣлалось? говорили они межъ собой.

— А Богъ его знаетъ, отвѣчали другіе, покачивая головами,—конечно, ударъ жестокій—лишиться всего дорогаго для сердца; недолго и съ ума сойти.

Между тѣмъ, незамѣтно пробѣжавъ по лѣсу нѣсколько верстъ, Симко, волнуемый чувствами тоски, отчаянія и одиночества, усталый, опустился на землю, глубоко застоналъ и вполнѣ предался своей сердечной горести.

— О, мой добрый отецъ! о, моя дорогая мать! Ахъ, если-бъ я зналъ, что минута разлуки такъ близка! о, если-бъ я былъ въ это время дома!... Проклятые убійцы! Смерть всѣмъ туркамъ! вдругъ крикнулъ взволнованный Симко.

— Ха, ха, ха! Ишь какъ, собачій сынъ, расходился! раздалось у него надъ самымъ ухомъ, и два выстрѣла сопровождали эти слова,—пули, свистя, пролетѣли надъ головой Симки, вонзясь въ стволы деревъ.

Симко вздрогнулъ, вскочилъ, быстро схватилъ длинный, толстый сукъ, собравшись биться до послѣдней капли крови; двое турокъ съ поднятыми шашками были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

— Лучше сдавайся! крикнулъ одинъ изъ турокъ.

Вмѣсто отвѣта Симко началъ неравный бой; уже нѣсколько разъ турецкія шашки разрѣзали его плащъ, развѣвающійся по воздуху; но Симко не робѣлъ и продолжалъ отчаянно драться, не смотря на то, что силы стали ему измѣнять.

— Боже! помоги мнѣ! вскричалъ тѣснимый Симко и ловкимъ ударомъ въ голову повергъ одного изъ турокъ на землю; быстрѣе молніи Симко бросился къ нему, нагнулся, схватилъ саблю убитаго турка и съ дикимъ крикомъ напалъ на другаго.

Тутъ бой не долго длился: Симко вскорѣ уложилъ своего врага.

Затѣмъ, быстро снявъ и надѣвъ на себя ихъ оружіе, Симко бросился бѣжать. Однако голодъ вскорѣ привелъ его въ сознаніе. Тутъ только Симко понялъ всю опасность своего положенія: воротиться назадъ онъ уже не могъ, по этому онъ рѣшился дожидаться ночи, съ наступленіемъ которой идти въ ближайшую деревню и тамъ просить пристанища.

Наконецъ настала желанная ночь. Симко, томимый голодомъ, началъ пробираться въ ближайшее селеніе; спустя нѣсколько часовъ, онъ вошелъ въ темный рядъ хатъ и робко постучалъ въ двери одной изъ нихъ.

— Кто тамъ? раздался голосъ.

— Добрый вечеръ, братъ, отвѣчалъ Симко,—не оставь меня, пусти ночевать.

Дверь отворилась.

— Иди, братъ, отвѣчалъ хозяинъ,—чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Симко вошелъ и усталый усѣлся на лавку.

— О, братъ, да ты весь въ крови, на тебѣ надѣто оружіе! зажигая ночникъ и вопросительно осматривая пришедшаго, сказалъ хозяинъ.

— Да, братъ, скрой меня на ночь, я нынче отправилъ къ чертямъ двухъ поганыхъ.

— Какъ же это случилось?

— Можетъ слышалъ, въ деревнѣ Пустовецъ пожаръ былъ?

— Слышалъ, тамъ еще двое сгорѣли.

— Ну, вотъ видишь, это сгорѣли мои родители, царство имъ небесное.

— Что ты? Жаль, жаль мнѣ тебя, бѣдный!

— Я былъ въ это время въ городѣ; когда же я пріѣхалъ, то засталъ однѣ развалины, и моихъ дорогихъ родителей уже не существовало на свѣтѣ: сдѣлавшись жертвой алчныхъ турецкихъ разбойниковъ, они погибли въ огнѣ пожара, который изверги турки произвели, убѣгая.

Затѣмъ Симко разсказалъ все случившееся съ нимъ въ лѣсу.

— Да, прошлаго не вернуть, промолвилъ хозяинъ,— что же ты теперь намѣренъ дѣлать?

— Завтра, чѣмъ свѣтъ отправлюсь въ горы, найду товарища и сдѣлаюсь гайдамакомъ.

— Хорошее дѣло, дай Богъ тебѣ успѣха! заключилъ хозяинъ, собирая ужинъ.

Закусивъ и подкрѣпивъ свои силы нѣсколькими стаканами вина, Симко уснулъ, утомленный происшествіями дня. На другой день онъ чѣмъ свѣтъ поднялся, поблагодарилъ радушнаго хозяина, который снабдилъ его провизіей на нѣсколько дней, и отправился въ путь.

Долго шелъ Симко, томимый тоскою, не дававшей ему покоя. Наконецъ присѣлъ отдохнуть среди желтѣвшей зелени. Холодный осенній вѣтеръ такъ и пронизывалъ его до костей, пасмурное небо, покрытое сѣрыми тучами готово было разразиться проливнымъ дождемъ.

Вдругъ Симко услышалъ отдаленные выстрѣлы и крики съ большой дороги. Симко вздрогнулъ, выхватилъ изъ-

за пояса пистолетъ и бросился къ тому мѣсту, откуда доносились крики. Пробившись сквозь чащу деревъ, Симко очутился на дорогѣ; его глазамъ представилась ужасная картина. Нѣсколько турецкихъ низамовъ, окруживъ какого-то человѣка, съ ожесточеніемъ нападали на него со всѣхъ сторонъ; не смотря на то, что онъ отчаянно защищался, его минуты были сочтены. Симко бросился къ мѣсту неравной борьбы. Выстрѣломъ изъ пистолета онъ повалилъ одного турка на землю; незнакомецъ, воспользовавшись этой минутой, ударилъ съ новой силою на враговъ, и еще одинъ, пораженный ятаганомъ, валялся въ лужѣ крови. Турки въ недоумѣніи переглянулись, удивляясь неожиданному появленію новаго защитника, смѣшались и бросились бѣжать.

— Смерть проклятымъ! грозно крикнулъ незнакомецъ, бросаясь за убѣгавшими; Симко, успѣвъ еще разъ зарядить пистолетъ, выстрѣлилъ, пуля его не пропала даромъ: еще одинъ изъ турокъ грянулся о земь, но другой все-таки убѣжалъ.

— Эхъ, скверно! проговорилъ возвращающійся незнакомецъ,—одного упустилъ, чтобъ черти взяли его душу! Благодарю тебя отъ чистаго сердца, братъ, если-бъ не ты, не видать бы мнѣ солнышка,—обнимая Симку, проговорилъ незнакомецъ.

— Я радъ этому случаю, братъ, отвѣчалъ Симко,—вступиться за своего собрата есть священная обязанность каждаго человѣка; но какъ ты попался низамамъ и кто ты такой?

— Я Петро Быркичъ, живу гайдамакомъ въ этихъ лѣсахъ, и попался совершенно случайно въ руки этихъ проклятыхъ, а ты откуда?

— Я жилъ въ деревнѣ Пустовецъ, но турецкіе разбойники, сдѣлавъ набѣгъ, умертвили моихъ родителей и сожгли почти полдеревни; бѣдные останки моихъ стариковъ сдѣлались жертвою пламени.

— Жаль! что-жь ты теперь будешь дѣлать?

— Не знаю, хочу быть гайдамакомъ.

— И хорошо придумалъ; я вижу, оружіемъ владѣть ты мастеръ, славный гайдамакъ будешь.

— Давай, братъ Петро, побратаемся и будемъ дѣйствовать вмѣстѣ.

— Давай, Симко, я радъ, что нашелъ друга.

И новые друзья, сведенные такимъ необыкновеннымъ случаемъ, поклялись въ вѣрности

— Ну, теперь съ Богомъ скорѣе въ лѣсъ, но прежде снимемъ оружіе съ убитыхъ турокъ, весело проговорилъ Петро.

— Идемъ, Петро, произнесъ Симко.

Съ этими словами гайдамаки, захвативъ оружіе убитыхъ, вошли въ лѣсъ и скрылись въ его чащѣ.

II

Очутившись въ лѣсу, сквозь густую листву котораго едва проникалъ свѣтъ, юнаки свободнѣе вздохнули.

— А вотъ и мое жилище, проговорилъ Петро указывая на массу молодыхъ деревьевъ.

— Гдѣ? спросилъ Симко, не видя никакого жилья.

— Ха, ха, ха! вотъ узнаешь, слѣдуй только за мной, усмѣхаясь, проговорилъ Петро и вошелъ въ кусты, среди которыхъ, сплетенный изъ древесныхъ вѣтвей, находился шалашъ, вымазанный изнутри глиной; по стѣнамъ его висѣло различное оружіе, а съ боку лежала куча соломы, замѣняющая постель.

— Ну, какъ тебѣ нравится мое жилище? усаживаясь на камень, проговорилъ Петро.

— Ничего, лучше и желать нельзя, отвѣчалъ Симко.

— Еще бы! здѣсь свобода, сидишь, не опасаясь посѣщенія ни беговъ, ни турецкихъ разбойниковъ.

— А что, братъ Петро, у тебя есть родители или родные?

— Нѣтъ никого, Симко, отвѣчалъ Петро,—мнѣ было пять лѣтъ, когда я лишился родителей, добрые люди взяли конечно къ себѣ безпомощнаго малютку, не дали ему погибнуть. Живо катилось время моей юности; ничего меня не радовало, любилъ лишь я всею душой черноокую Любицу, дочь моего благодѣтеля, еще малютками привязались мы другъ къ другу, съ каждымъ годомъ привязанность все болѣе и болѣе усиливалась, наконецъ мнѣ минуло девятнадцать лѣтъ, не могъ я болѣе скрывать этой любви, а зналъ, что за бѣднаго отецъ ее не отдастъ, по этому распростился съ ея семействомъ и отправился куда глаза глядятъ. Уйдя верстъ за шестьдесятъ, я нанялся работникомъ у одного богатаго поселянина, который знавалъ моего отца; сталъ я день и ночь трудиться, деньжонокъ скопилъ, домикъ себѣ построилъ, хозяйствомъ обзавелся; ну, думаю, теперь я все-таки человѣкомъ сталъ, дай свижусь съ Любицей; взялъ, запрегъ свою единственную лошадушку и съ замирающимъ сердцемъ поѣхалъ на свиданіе. Ну, братъ, ужь и встрѣча была! Эхъ, золотое время гдѣ ты!? Поладили дѣло; велѣлъ отецъ сватовъ присылать; я радостный поѣхалъ домой; вотъ, думалъ, счастье, какъ я заживу съ моей ненаглядной Любицей; черезъ нѣсколько дней сватовъ послалъ, и съ нетерпѣніемъ всю ночь прождалъ ихъ возвращенія; утромъ, еще издали завидѣвъ ихъ пріѣздъ, бросился имъ я на встрѣчу.

— «Ну что?» горя нетерпѣніемъ, еще издали кричалъ я подъѣзжавшимъ.

— «Плохо, отвѣчали они —на село сдѣланъ набѣгъ, Любица безслѣдно исчезла, а вмѣстѣ съ нею многіе и другія молодицы».

«Какъ пораженный громомъ стоялъ я на одномъ мѣстѣ, меня такъ поразили эти слова, что инда въ глазахъ потемнѣло, вся кровь закипѣла во мнѣ. Не помню, что было послѣ со мной, когда я очнулся, то былъ уже дома, окруженный бывшими сватами; но вскорѣ я пересилилъ себя, продалъ все, что имѣлъ, и пустился на поиски за Любицей; однако не только ея не нашелъ, но даже чуть-чуть на колъ не попалъ,—спасся только необыкновеннымъ случаемъ. Съ тѣхъ поръ я живу въ этомъ лѣсу; вотъ уже третій годъ пошелъ, лѣтомъ провожу ночи въ этомъ шалашѣ, засыпая подъ звуки пѣсенъ лѣснаго соловья, а зимой хожу по селеніямъ, гдѣ добрые собратья всегда даютъ мнѣ надежный пріютъ».

Такъ закончилъ свой разсказъ Петро.

— Да, братъ Петро, и ты не мало узналъ горя.

Долго еще толковали межь собой новые пріятели, наконецъ, закусивъ, улеглись спать. Но едва солнце взошло на горизонтѣ, какъ они были на ногахъ.

III

Петро и Симко какъ ясные соколы поспѣвали всюду, являясь на помощь угнетеннымъ и выручая ихъ отъ турокъ. Между тѣмъ осень быстро наступала, деревья начинали ронять свой зеленый нарядъ, дожди полились безпрерывно, а по утрамъ и легкій морозецъ иногда давалъ себя чувствовать молодымъ гайдамакамъ.

— Эхъ, холодно, Симко, сказалъ однажды рано утромъ, дрожа отъ холода, Петро,—пора намъ выбираться на зимнія квартиры.

— Да, братъ, пора бы, да зачѣмъ же и дѣло стало? нынче все окончимъ что нужно сдѣлать и отправимся зимовать.

Наскоро собравшись, наши друзья отправились въ путь на выручку плѣнныхъ, которыхъ по этой дорогѣ должны были гнать турецкіе низамы. Расположившись въ кустахъ, удалые гайдамаки начали поджидать появленія плѣнныхъ; вскорѣ по дорогѣ показался отрядъ низамовъ, который гналъ передъ собою плѣнныхъ, осужденныхъ на смерть.

Молодцы гайдамаки и тутъ не сробѣли, раздалось два выстрѣла, и двое изъ низамовъ, облитые кровью, рухнули на землю, остальные смутясь, схватились за оружіе, начался неравный бой; ятаганы удалыхъ гайдамаковъ, блестя, взвивались въ оздухѣ, угрожая наступающимъ врагамъ; но двое против отряда бороться долго не могли.

— Симко! мы погибаемъ, не отдавайся живымъ! крикнулъ со всѣхъ сторонъ окруженный низамами Петро.

— Смотри, Петро, слѣ вскричалъ Симко и бросился на выруч уга: но уже было поздно: нѣсколько рукъ какъ клещ со всѣхъ сторонъ ухватили несчастнаго Петро, который отчаянно рвался.

— Симко! стрѣляй въ меня! дико крикнулъ, задыхаясь, схваченный.

Симко быстро отскочилъ назадъ и, выхвативъ пистолетъ, уже собрался облегчить страданія друга, какъ вдругъ надъ нимъ свистнула веревка, запутанный въ мертвую петлю, Симко рухнулъ на землю,—постолетъ выстрѣлилъ въ воздухъ.

Не успѣлъ опомниться Симко, какъ крѣпкія веревки какъ змѣи обвили его со всѣхъ сторонъ.

— Что, разбойники проклятые, попались! Славно мы надъ вами потѣшимся! ругались турки, одѣляя ударами связаныхъ, которые только сжимали зубы отъ безсилія и злобы.

— Посмотримъ, какъ вы, собачьи дѣти, на колу запрыгаете.

И съ этими словами турки погнали плѣнныхъ. Испытывая ужасныя мученія, какъ физическія такъ и нравственныя, подгоняемые ударами турокъ, уже къ ночи бѣдные плѣнные вошли въ селеніе, гдѣ ихъ заперли какъ собакъ въ пустую избу, для охраненія которой разставили стражу. Сдѣлавъ это, турки отправились погулять на селѣ...

Собравшись въ кучу, стоная отъ боли, сидѣли заключенные, измученные ходьбою и голодомъ.

— А что, братцы, прервалъ первый молчаніе Петро:—завтра наша участь будетъ рѣшена; неужели мы такъ свободно отдадимся, не испытавъ средствъ къ побѣгу? Симко, подойди-ка ко мнѣ, я попробую, не удастся ли перегрызть зубами твои веревки.

— Отлично! вскричалъ Симко.

Началась ужасная работа зубами; изъ десенъ Петро струилась кровь; но, не смотря на страшную боль, Петро съ остервѣненіемъ продолжалъ грызть веревки.

— Ну, попробуй теперь, не разорвешь ли? спросилъ Петро.

Симко отчаянно рванулъ,—веревки перервались.

— Мы спасены! развязывая и сбросивши остальныя веревки, чуть не крикнулъ Симко.

Развязавшись, онъ также освободилъ товарищей, съ ловкостью кошки взобрался на чердакъ, разобралъ крышу, и узники одинъ за другимъ, соблюдая глубочайшую тишину, бѣжали,—темная ночь и оплошность часовыхъ помогли имъ въ этомъ...

Поднялась ужасная тревога, когда, хватившись на другой день плѣнныхъ, низамы не нашли никого; сейчасъ же всюду была разослана погоня; но она воротилась ни съ тѣмъ: удалые бѣглецы были уже далеко отъ своихъ преслѣдователей и спокойно отдыхали, скрытые въ хатѣ одного изъ поселянъ сосѣдняго села.

М. Боголювцевъ.

ВА ЛАЗАРЯ

(РАЗСКАЗЪ).

(Окончаніе)

III

Пріѣздъ Александра Васильевича въ имѣніе произвелъ разнорѣчивые толки въ округѣ. Помѣщики ждали съ нетерпѣніемъ его визита, добивались знакомства, но онъ почему-то не удостоивалъ ихъ своимъ вниманіемъ.

— Вѣрно нелюдимъ, говорили богатые помѣщики.

— Богачъ, захочетъ ли онъ знакомиться съ нами? заключили небогатые, но тѣ и другіе ошиблись.

Прежде знакомства съ сосѣдями онъ желалъ сдѣлать нѣкоторыя преобразованія, улучшенія въ имѣньѣ, и когда все было готово, поѣхалъ съ визитомъ къ болѣе извѣстнымъ богатымъ помѣщикамъ, важнѣйшимъ административнымъ лицамъ и попросилъ ихъ обѣдать. Къ небогатымъ помѣщикамъ и неважнымъ чиновникамъ послалъ оффиціальное, но весьма вѣжливое приглашеніе, извиняясь, что не успѣлъ лично засвидѣтельствовать свое почтеніе. Послѣдніе сочли за особенную честь побывать у богатаго помѣщика, и въ назначенный день въ имѣніе Александра Васильевича пріѣхало около 30-ти экипажей разнаго калибру. На дворѣ стояли кареты, коляски, линейки, фаэтоны, дрожки, и даже телѣжки. Хозяинъ каждаго встрѣчалъ любезно, каждому умѣлъ сказать хотя короткое, но привѣтливое слово.

Пока гости гуляли по саду, оранжереямъ, любовались прелестными видами, рѣдкими растеніями, въ большой залѣ съ стѣнами подъ мраморъ накрывали на столъ. Застучали тарелки, стаканы, бокалы, рюмки, зазвенѣли ножи, вилки. Между роскошныхъ вазъ, наполненныхъ цвѣтами, возвышались бутылки шампанскаго въ серебряныхъ ведрахъ.

Когда кушанье подали, хозяинъ попросилъ всѣхъ въ залу. Хозяйки дома и дочерей ея почему-то не было за столомъ; обѣдали одни мужчины. Обѣдъ прошелъ шумно и оживленно. Кушанья подавались такія замысловатыя, что многіе изъ гостей не знали даже, какъ и приняться за нихъ. Дорогія вина лились рѣкой. Подпившіе гости, не стѣсняясь, шутили, разсказывали анекдоты, пили за здоровье хозяина, кричали ура, даже говорили спичи.

— А что, Александръ Васильевичъ, обратился къ нему сильно подвыпившій судья.—Въ нашемъ городѣ есть одинъ бѣдный чиновникъ Сурьминъ, не родственникъ ли онъ вамъ?

— У меня нѣтъ родственниковъ, сухо отвѣчалъ хозяинъ.

— Какъ же мнѣ говорили, будто онъ...—Толчекъ подъ руку заставилъ некстати любопытнаго судью прикусить языкъ. Сидѣвшій рядомъ съ нимъ чиновникъ объяснилъ ему на ухо, что такіе вопросы неумѣстны.

— Вѣдь говорятъ, они родные братья, болталъ уже совершенно охмѣлѣвшій судья.

— Мало ли что родные братья... вы видите, какъ ему непріятенъ былъ вашъ вопросъ, онъ даже въ лицѣ измѣнился...

Когда кончился обѣдъ, часть гостей разсыпалась по саду, другіе усѣлись играть въ карты, пиръ продолжался далеко за полночь. Очарованные любезностью и хлѣбосольствомъ хозяина, гости нисколько не подозрѣвали, что этотъ лукулловскій обѣдъ, стоилъ послѣднему много нравственныхъ мукъ. Александръ Васильевичъ былъ настолько же скупъ, насколько честолюбивъ. По временамъ честолюбіе одерживало верхъ, ради его онъ готовъ былъ бросить на вѣтеръ двѣ-три тысячи, лишь бы заставить говорить о себѣ, а въ данную минуту цѣль его оправдывалась какъ нельзя болѣе. Онъ сразу всталъ во главѣ всѣхъ живущихъ въ уѣздѣ и пріобрѣлъ всеобщее уваженіе.

Время летѣло скоро и незамѣтно, до отъѣзда въ Москву осталось недѣли двѣ. Желая воспользоваться послѣдними лѣтними днями, Александръ Васильевичъ дѣлалъ каждый день экскурсіи и заглядывалъ въ самые отдаленные уголки своего помѣстья. Однажды онъ зашелъ въ прелестную вѣковую рощу, граціозно и живописно раскинутую на отлогомъ берегу рѣки, и сѣлъ подъ густымъ вязомъ. Вечеръ былъ теплый, тихій. По временамъ въ верхушкахъ деревьевъ поднимался шорохъ, потомъ снова водворялась тишина, нарушаемая только тихимъ плескомъ волнъ; но вдругъ Александру Васильевичу почудился шумъ шаговъ, послышалось прерывистое дыханіе, онъ осмотрѣлся кругомъ... изъ чернаго круга тѣни падавшей отъ деревьевъ, вышелъ человѣкъ слишкомъ знакомый... родной братъ его Иванъ Васильевичъ... Въ данную минуту это было уже не видѣніе, а дѣйствительность во всей ея грустной оболочкѣ. Иванъ Васильевичъ былъ блѣденъ, худъ, одѣтъ плохо. Онъ остановился передъ братомъ въ нѣсколькихъ шагахъ, потухающій взглядъ молилъ жалости, состраданія, участія...

— Что тебѣ нужно отъ меня? закричалъ на него богачъ.

— Братъ!... я боленъ... не въ силахъ работать...

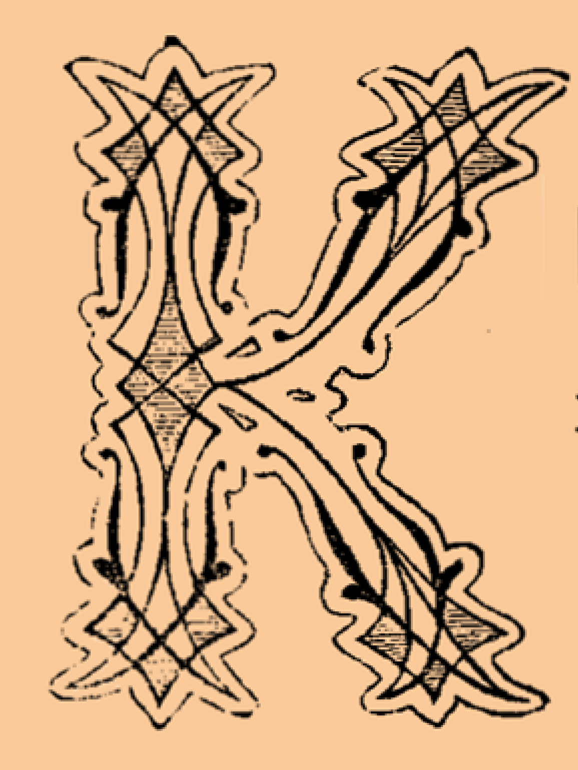
помоги мнѣ... у меня жена, дѣти, они умрутъ съ голоду, если я умру... подай милостыню...—и бѣднякъ упалъ на колѣни.

— Я не помогаю тунеядцамъ!... —И Александръ Васильевичъ исчезъ между деревьями, прежде нежели братъ его успѣлъ подняться...

Это было послѣднее земное свиданіе между братьями.

Въ то время, когда Александръ Васильевичъ ѣхалъ въ Москву, бѣдный Иванъ Васильевичъ доживалъ послѣдніе дни своей печальной жизни. Вдовѣ и дѣтямъ его дѣйствительно пришлось бы умереть съ голоду, если бы добрые люди не приняли въ нихъ участія.

Е. М.

Когда надо являться въ гости,

или вообще въ общество, рано или поздно?

(жизненный вопросъ).

Когда долженъ настоящій джентельменъ являться въ собранія?

Если вы приходите рано, прислуга пожимаетъ въ передней плечами и выдаютъ вамъ съ улыбкой первый нумеръ вѣшалки. Къ какимъ страданіямъ влечетъ этотъ первый нумеръ! Во-первыхъ, ваше пальто или шуба служитъ основаніемъ для цѣлой горы преслѣдующаго платья и складки на немъ еще долго напоминаютъ о его многострадальномъ бытіи. Во-вторыхъ, если хотите уйти немного раньше и отдаете прислугѣ вашъ первый нумеръ, прислуга блѣднѣетъ и краснѣетъ: какимъ образомъ она достанетъ ваше одѣяніе изъ подъ такой кучи различныхъ пальто, шубъ и пр.? Послѣ этой непріятности слѣдуетъ другая, если вы приходите рано: лакей бѣжитъ къ вамъ навстрѣчу и ударяетъ васъ несомымъ имъ столомъ, другой держа канделябру наступаетъ вамъ на любимую мозоль, третій, зажигая люстры обливаетъ васъ воскомъ отъ своей свѣчки и т. д. Хозяинъ и хозяйка, занятые первый распредѣленіемъ нѣкоторыхъ вещей, а вторая доканчиваетъ свой туалетъ, должны все бросить, чтобы заняться гостемъ! Затрудненія высказываются во всѣхъ трехъ лицахъ. Это затрудненіе увеличивается съ прибытіемъ новыхъ лицъ, потому что когда собравшихся еще очень мало, хозяинъ или его половина должны представлять гостей другъ другу и каждое новое представленіе есть новая непріятность. Вообще два или три лица стѣсняются между собою скорѣе чѣмъ многочисленное общество. Тутъ надо работать изо всѣхъ силъ, чтобы такъ сказать спустить поскорѣе со стапеля разговорное судёнышко.

Съ другой стороны, сколько непріятностей бываетъ, когда являешься поздно.

Въ передней шумъ и гамъ прислуги: они обращаютъ на васъ свои насмѣшки.

Нѣкоторые говорятъ: онъ только пришелъ, чтобы наѣсться. Домашняя прислуга вся занята въ комнатахъ и едва-едва удается вамъ сдать свое пальто. Входите вы въ залу, сотни глазъ вооруженныхъ и невооруженныхъ смотрятъ на васъ. Головы вытягиваются: Это еще кто такой?—Я его не знаю.—А! и этотъ здѣсь?—Теперь кажется всѣ собрались.

Здѣсь только начало затрудненій. Въ первой комнатѣ вы не знаете никого. Вы ищете хозяина, чтобы поздороваться, Богъ его знаетъ гдѣ онъ. Вы хотите представиться хозяйкѣ, она гдѣ-то въ шестой комнатѣ на диванѣ, окруженная женской засѣкой въ нѣсколько рядовъ.

Ближе всѣхъ къ ней старая гвардія, затѣмъ слѣдуетъ галлерея средневѣковыхъ и потомъ уже свѣжія изданія женскаго свѣта. Взять полковое знамя изъ непріятельскаго полка ничто передъ задачей пройти эти живыя іерохонскія стѣны, чтобы поклониться хозяйкѣ дома.

Наконецъ вамъ удалось. Вы воспользовались маленькою брешью и на разстояніи ружейнаго выстрѣла раскланялись, тутъ молодежь вытягиваетъ шеи, средневѣковые смотрятъ на васъ инквизиторскимъ глазомъ, а старая гвардія слишкомъ громко спрашиваетъ: Qui est il donc? Кто это такой?—Это еще не все. Вы находите въ кругу дамъ знакомую, дѣлаете ей нѣмой поклонъ и вся серія дамъ спереди и сзади вашей знакомой полагаетъ каждая, что вы ей кланяетесь и отвѣчаетъ вамъ или дружески или удивляясь, поэтому надо и имъ поклониться, у нихъ тоже сосѣди и т. д. до безконечности.

Наконецъ, если вы готовы, вы раскланялись со всѣми, вы не знаете что начать. Всѣ игорные столы заняты и всѣ женщины абонированы. Слуга приноситъ вамъ чай, онъ холоденъ, вы становитесь у игорнаго стола ради любопытства, дамѣ сданы скверныя карты, вы принесли съ собой несчастіе и удаляетесь. Короче, горе и радость одинаково присущи, явитесь ли вы слишкомъ рано или слишкомъ поздно въ собраніе.

А. Д—жій.

Мефистофель. Рѣшайся! подпиши!
Фаустъ. А ну какъ побьютъ?
Мефистофель Чудакъ, не бойся: тогда опять я что нибудь придумаю

Тяжелые воза

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ ДѢДУШКѢ КРЫЛОВУ.

Во многихъ мы дѣлахъ хлопочемъ,
Кричимъ, да такъ, что просто страхъ,
Имъ результатъ прекрасный прочимъ
И… остаемся на бобахъ!
Трудились люди съ головами
Въ дѣлахъ иныхъ, я знаю самъ,
Но все кончалося словами:
Да только возъ и нынѣ тамъ….

Ряды мы выстроить хотѣли
Красивѣй всѣхъ другихъ рядовъ
И надъ проектами потѣли
Десятки смѣтливыхъ головъ.
Года десятками проходятъ,
Но все-жь одно извѣстно намъ,
Что хоть толкуютъ, смѣты сводятъ,
Да только возъ и нынѣ тамъ….

Крича мы лѣземъ вонъ изъ кожи:
На непорядки всѣхъ дорогъ—
Взглянуть де слѣдуетъ построже,
Чтобъ пассажиръ быть цѣлымъ могъ.
Кричатъ безъ устали газеты,
Чтобы конецъ дать тѣмъ бѣдамъ,
Даютъ правленіямъ совѣты,—
Да только возъ и нынѣ тамъ…

Растраты въ банкахъ насъ смущаютъ
И слышимъ мы, какъ каждый часъ
Укора словомъ укрощаютъ
То зло глашатаи у насъ.
Толпой общественные воры
Сдаются, видимъ мы, судамъ,
Громятъ ихъ громко прокуроры,—
Да только возъ и нынѣ тамъ…

Артезіанскаго колодца
Не тайна суть ни для кого,
Кричали, что добыть придется
Намъ океаны изъ него.
Мы часу отдыха не знали,
Работу давши буравамъ,

Охабки денегъ закопали,—
Да только возъ и нынѣ тамъ...

Вотъ про Толкучку наша Дума
Судить пустилася, да какъ!
Что было крику, гама, шума
И споровъ, даже чуть ни дракъ!
Кричали: тотъ притонъ опасный
Чтобъ отнести изъ центра намъ,
Проектъ готовится прекрасный,
Да только возъ и нынѣ тамъ...

Про мостовыя говорили:
Управа ихъ принять должна,
И приняла; копали, рыли,
Трудовъ тѣхъ цѣль была видна.
Мы ждали—кончены нападки,
Не будетъ больше рытвинъ, ямъ,
Всѣ мостовыя будутъ гладки...
Да только возъ и нынѣ тамъ...

Мы энергичность очень хвалимъ,
А встрѣнься дѣло намъ въ глаза,
Такъ черезъ пень колоду валимъ,
Таща тяжелые воза.
И будто лебедь, ракъ да щука,
Пыхтимъ, припрягшися къ возамъ,
А вслѣдъ лишь слышимъ: вамъ хоть мука,
Да только возъ и нынѣ тамъ....

И. Вашковъ

Искусство засыпать,

или

САМОМУ СЕБѢ НАСКУЧИТЬ.

(ИЗЪ ОЧЕРКОВЪ САФИРА).

Хорошо выспаться есть большое искусство, но есть искусство еще бóльшее, еще труднѣе это: *заснуть*.

Искусство уснуть есть не что иное какъ искусство себѣ самому наскучить. Если находишься въ большомъ обществѣ, то рискуешь ежеминутно уснуть, если же ты находишься ночью одинъ въ постели и никѣмъ не занятъ какъ самимъ собою, то только слышишь то, что самъ себѣ говоришь, будь это мысленный разговоръ или даже цѣлые монологи и тогда конечно человѣкъ бодрствуетъ. Дѣла, совершонныя въ теченіе дня, остаются въ сердцѣ и ночью, тронутое днемъ сердце съ трудомъ засыпаетъ ночью.

Такимъ образомъ искусство засыпать требуетъ: вопервыхъ не имѣть вовсе сердца, потому что сердце служитъ только для безпокойства человѣка, а безпокойному внутренно очень трудно уснуть. Во-вторыхъ, надо ни о чемъ не думать, потому что думы только тревожатъ голову; поэтому, чтобы уснуть, надо имѣть хорошую пустую голову. Въ третьихъ, надо быть совершенно неимущимъ, не обладать ничѣмъ, потому что обладаніе чѣмъ бы то ни было, будь это рубль, домъ, сердце или обладаніе талантомъ не даетъ тѣлу внутренно успокоиться и нарушить всякій сонъ.

Чтобы во всякое время легко и хорошо уснуть, прежде всего надо не имѣть никакого состоянія, ни денежнаго, ни имущественнаго и не быть даже биржевымъ спекулянтомъ. Никого и ничего на свѣтѣ не любить, ни о комъ не безпокоиться: ни о чьихъ радостяхъ, ни о печали. Не сознавать въ себѣ присутствія какого либо таланта и имѣть основаніе сказать: завтра утромъ я встану такимъ же дуракомъ, какимъ я былъ и, если при всемъ этомъ съ вечера человѣкъ ничего не ѣлъ, а только выпилъ стаканъ сахарной воды, легко укрылся, лежитъ на мягкой перинѣ и читать не умѣетъ, тогда онъ можетъ надѣяться легко и крѣпко уснуть.

Сколько средствъ перечисляетъ Жанъ-Поль для усыпленія! Пересчитывать оконныя стекла, таблицу умноженія повторять, считать точки на обояхъ, извѣстную мелодію распѣвать множество разъ и т. д.

Всѣ эти средства, какъ и всѣ вообще домашнія средства, очень хороши, но совершенно непригодны. Вся бѣда въ томъ, что люди сами себя отлично занимаютъ. Человѣкъ душевно доволенъ, когда кромѣ подушки никакихъ постороннихъ слушателей не имѣетъ. Подушка не зѣваетъ намъ въ лицо, подушка насъ выслушиваетъ терпѣливо и внимательно, а внимательный слушатель самый пріятный человѣкъ въ обществѣ.

О чемъ говоритъ человѣкъ со своей подушкой? О себѣ, о себѣ и только о себѣ! Такъ развѣ можно при такомъ интересномъ разговорѣ уснуть? Это было бы оскорбленіе самого себя, а человѣкъ самого себя не скоро оскорбляетъ.

Я знаю писателей, которые усыпляютъ цѣлое общество своими произведеніями, однако они читаютъ ночью самимъ себѣ свои творенія и не смыкаютъ глазъ. Я знаю другихъ, которые имѣютъ слабость разсказывать анекдоты; когда они ихъ разсказываютъ въ обществѣ, все засыпаетъ, а, повторяя ихъ каждую ночь самимъ себѣ въ постели, они такъ себя занимаютъ, что положительно спать не могутъ.

Говорятъ, чтобы тотчасъ заснуть, надо потушить свѣчу;

Если съ тобой встрѣтится знакомый и громко воскликнетъ: «О, мой дорогой!» ты тотчасъ же, не медля, задай ему вопросъ: «не можете ли вы мнѣ пять рублей одолжить?» потому что можешь быть вполнѣ увѣреннымъ, что онъ о томъ же хотѣлъ просить тебя.

—

Если ты хвалишь художника или артиста, не хвали его въ кредитъ, ибо можешь быть увѣреннымъ, что онъ твою похвалу забудетъ.

—

Вѣрь всему свѣту одинаково, какъ самому себѣ, потому что человѣкъ самъ себѣ вѣрить не долженъ.

—

Если тебѣ женщина говоритъ: «мое сердце потрясено!» вѣрь ей и ничего не строй на немъ, потому что на потрясенномъ основаніи строить ничего не слѣдуетъ.

—

Если тебѣ ежеминутно напоминается, что у тебя есть жена, тебѣ становится больно, потому что только такіе члены напоминаютъ о себѣ, которые причиняютъ боль.

А. Д—жій.

МЫСЛИ И ИЗРЕЧЕНІЯ ИЗЪ САФИРА

Почему на жизненномъ пути не тоже, что на проѣзжемъ? На проѣзжей дорогѣ пустой возъ уступаетъ наполненному, а на жизненной всегда уступаютъ дорогу пустымъ головамъ.

—

Квартиры такъ стали дороги, что даже въ самомъ маленькомъ женскомъ сердцѣ отдается комната съ отдѣльнымъ ходомъ.

—

Большой талантъ уподобляется во многомъ бумажному змѣю: чѣмъ выше онъ подымается, тѣмъ болѣе мальчишекъ за нимъ бѣгутъ, чтобъ его поймать.

—

Исторгать слезы есть принадлежность судьбы и людей, проливать слезы заставляетъ несчастіе, осушать слезы присуще человѣчеству.

—

Есть предметы на свѣтѣ, которые въ единственномъ числѣ гораздо дороже обходятся, чѣмъ въ множественномъ, напримѣръ: единственная дочь-красавица гораздо больше стоитъ, чѣмъ если бы ихъ у отца было шесть.

—

Многіе люди лучше своего реноме потому именно, что ихъ реноме хуже, чѣмъ они сами.

—

Лучшіе годы женщинъ суть худшіе для ихъ мужей. Какъ только настаютъ лучшіе годы женщины, она требуетъ лучшихъ платьевъ и лучшаго портнаго.

—

Въ человѣческой головѣ талантъ занимаетъ лишь одинъ этажъ или флигель. Музыкальный талантъ находится въ ухѣ, талантъ живописца въ глазахъ, импровизація живетъ въ памяти и т. д. Одинъ лишь геній занимаетъ все зданіе.

—

Самый худшій слуга человѣкъ, который самъ себѣ господинъ.

—

Не каждый человѣкъ можетъ быть писателемъ, но каждый писатель могъ бы быть человѣкомъ.

—

Люди и колосья одинаковы: чѣмъ пустѣе голова, тѣмъ выше она поднимается.

—

Въ каждой женщинѣ и въ каждой книгѣ бываетъ по нѣскольку ошибокъ.

—

Деньги и кредитъ—двѣ вещи разныя. Деньги нужны большею частію тогда, когда ихъ нѣтъ, а кредитъ имѣютъ тогда, когда онъ не нуженъ.

—

Люди часто плачутся при несчастіи другихъ только въ театрѣ, и при этомъ похожи на пожарныя трубы: когда ихъ пробуютъ, они отлично дѣйствуютъ, а когда доходитъ до дѣла, онѣ и капли не даютъ.

—

О піесѣ судятъ, когда она кончается, а о человѣкѣ судятъ, не дожидаясь его конца.

—

Почему у мужчинъ скорѣе вылѣзаютъ волоса, чѣмъ у женщинъ?

Потому, что они чаще хватаются за голову.

СОДЕРЖАНІЕ:

Миллеръ.

Дозволено цензур[ою]

Москва. Типографія Ѳ. Б. Миллера (Яуз. ч. 1 кв. № 82).